

Къ судебнo-медицинской казуистикѣ.

Ординатора Л. И. АЙХЕНВАЛЬДА.

Настоящій судебнo-медицинскій случай заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, нѣкотораго вниманія какъ съ бытовой точки зрѣнія, такъ и по характеру клинической картины, заставляющей нѣсколько дольше остановиться при рѣшеніи вопроса, въ какой категоріи растройства отнести описываемое ниже состояніе.

Въ декабрѣ 1911 г. въ Психіатрическую Больницу Уфимскаго Губернскаго Земства поступилъ на испытаніе по опредѣленію окружного суда священникъ мѣстной епархіи Д., обвиняющійся въ совершеніи цѣлаго ряда подлоговъ съ цѣлью получить обманнымъ образомъ товары отъ различныхъ крупныхъ фирмъ, какъ столичныхъ такъ и провинціальныхъ. Всего Д. затребовано и получено было товара на сумму около 5 тысячъ рублей, главнымъ образомъ шелковыхъ тканей, бархата, парчей и т. п. Техника содѣяннаго въ краткихъ словахъ такова. Д., наѣзжая въ губернскій городъ, успѣлъ заказать тамъ печати я бланки несуществующихъ благоточинныхъ, фиктивныхъ должностныхъ лицъ и учреждений. Съ помощью этихъ атрибутовъ власти онъ разсылалъ крупнымъ фирмамъ циркуляры и требованія о пересылкѣ различныхъ тканей и церковной утвари по извѣстному адресу, прилагая официальное за № и съ приложеніемъ должностной печати обязательство объ уплатѣ денегъ въ извѣстный срокъ, согласно смѣтнымъ ассигновкамъ учреждения. Получая крупные заказы, всѣ фирмы охотно выполняли ихъ, отправляя въ указанные Д. пункты товары,

адресуя туда же накладныя, которыя Д. получалъ либо до востребованія на вымышленное имя, либо пользуясь специально абонированнымъ въ г. К. личнымъ почтовымъ ящикомъ. Естественно, такая остроумная комбинація не могла быть особенно длительной. Одна изъ фирмъ, получивъ крупный заказъ церковныя вещи (серебро и проч.), отъ „эконома“ земледѣльческой школы въ К., запросила дирекцію ея о поручительствѣ въ уплатѣ стоимости товара, выписаннаго „экономомъ“ школы при отношеніи за №. Дирекція послѣдила телеграфно увѣдомить, что заказъ, очевидно, подложный и что при училищѣ нѣтъ ни церкви, ни эконома. Шагъ за шагомъ и другія фирмы стали убѣждаться въ томъ, что были обмануты. Во время полученія Д. на К. почтѣ письма „до востребованія“, онъ былъ задержанъ полицейскими агентами и дѣлу о подлогахъ и шантажѣ данъ былъ законный ходъ. Д. чистосердечно во всемъ покаялся открылъ мѣсто нахождения всѣхъ полученныхъ отъ фирмъ товаровъ, которые оказались всѣ на лицо и хранились при церкви того села, гдѣ Д. состоялъ священникомъ.

Таковы обстоятельства дѣла. Д. тотчасъ же былъ отрѣшенъ отъ прихода и привлеченъ къ судебной отвѣтственности. Показанія брата, родныхъ Д. и свидѣтелей установили, что Д. и въ молодые годы и позже проявлялъ признаки ненормальности, что напр., неисправно совершалъ требы, писалъ на стѣнахъ своей комнаты, стѣснялъ дѣтей своихъ въ необходимомъ, не скупился въ то же время тратить деньги на чужихъ для него людей и т. п. Этого рода показанія и вызвали психіатрическую экспертизу, которой Д. былъ подвергнутъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ въ специальной больницѣ. Его объясненія и автобіографія отличаются исчерпывающими подробностями и приводятся ниже.

Испытуемый—средняго роста, удовлетворительнаго питанія, вѣрнѣе сложенаго. Тоны сердца глуховаты, п. 74 въ 1'. Зрачки нѣсколько расширены. Рефлексы, тактильная чувствительность, органы движенія, игра вазомоторовъ—въ предѣлахъ нормы. Признаковъ вырожденія нѣтъ. Испытуемый даетъ о себѣ слѣдующія свѣдѣнія: „Родился въ 1868 г. Отецъ и мать были физически очень крѣпки, занимались земледѣліемъ. Отецъ отличался христіанскою добротой, а мать имѣла „резонирующій“, характеръ. Отецъ въ

молодости пилъ много вина, а мать вела трезвый образъ жизни. Родился я, когда отецъ уже бросилъ пить. У матери по временамъ были слуховыя галлюцинаціи, а у отца зрительныя. Въ послѣдніе три года жизни мать не отдавала себѣ отчета въ окружающемъ. Умерли мои родители имѣя по 75 л. отъ роду. Одинъ двоюродный братъ мой сошелъ съ ума, другой умеръ будучи душевно-больнымъ, третій застрѣлился, а четвертый—отравился“. Насколько испытаннымъ помнить себя, у него еще въ ранней юности изрѣдка были галлюцинаціи слуха и зрѣнія и склонность вмѣшиваться въ чужіе дѣла и разговоры и отстаивать свои взгляды, не стѣняясь ни временемъ ни мѣстомъ, ни лицами, хотя въ болѣе зрѣломъ возрастѣ старался всячески исправлять этотъ недостатокъ; только вмѣшательство постороннихъ да личныя извиненія избавляли его отъ непріятныхъ послѣдствій. Это свойство впоследствии вылилось въ страсть писать прошенія и жалобы по поводу различныхъ событий и поводовъ различнымъ учрежденіямъ. „По убѣжденіямъ—считаю себя христіаниномъ и христіанство считаю одинаково обязательнымъ для всѣхъ христіанъ безъ исключенія. Понятіе о христіанствѣ, какъ царствѣ Бога на землѣ, царствѣ братства, равенства и справедливости, я основывалъ на вѣчномъ и ни для кого не измѣняемомъ законѣ: ученіи Христа Бога, жизни святыхъ апостоловъ и первыхъ христіанъ“. „Первые же христіане, какъ это видно изъ 4 главы дѣяній св. апостоловъ, стихи 32—36, согласно ученія Христа Бога, изъ имуществъ своего ничего не называли „своимъ“, но все имѣли общее, не было между ними никого нуждающагося, каждому давалось—кто въ чемъ имѣлъ нужду,—и было у нихъ одно сердце и одна душа. Нарушители этого основнаго христіанскаго закона считались величайшими преступниками предъ Богомъ и христіанствомъ и были за это наказаны лишеніемъ жизни, доказательствомъ чего и служатъ первые мжехристіане Ананій и Сампфира. Такъ училъ жить своихъ послѣдователей до скончанія вѣка самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, такъ жили святые апостолы и первые христіане, такъ и мы должны жить, а такъ какъ современные христіане не живутъ такъ, поэтому и жизнь ихъ съ языческими взглядами на имущество и съ порядками я считалъ незаконной и преступной, и это было моею христіанскою вѣрой съ самого ранняго дѣтства“. „На миллионе-

ровъ я смотрѣлъ, какъ на подложныхъ христіанъ, измѣнниковъ и враговъ христіанской жизни, составляющихъ и фундаментъ, и расадникъ развой преступности среди христіанъ и разнаго рода кражъ и убійствъ; за неизбѣимъ государственнаго закона, карающаго такихъ величайшихъ преступниковъ христіанства наказаніемъ жизни—въ лицѣ Ананія и Сампфирѣ—самъ святой апостоль Петръ, имя котораго я ношу и которому, какъ христіанинъ и пастырь, непременно долженъ подражать“. „Основываясь же на ученіи Христа Бога о добромъ пастырѣ (изложенномъ въ 10 главѣ Евангелія отъ Іоанна, стихи 1—17), полагающемъ душу свою за овецъ, и нерадивомъ наемникѣ, изъ-за наживы оставляющемъ своихъ овецъ на произволь разнаго рода волковъ, борьбу съ измѣнниками христіанства считалъ священнымъ долгомъ истинныхъ христіанскихъ пастырей; все это было преобладающимъ, а иногда и господствующимъ содержаніемъ моихъ мыслей, желаній и дѣлъ въ теченіе всей моей жизни, начиная со школьной скамьи, при этомъ имѣлъ въ виду, что святой апостоль Петръ въ борьбѣ употреблялъ незаконныя способы, такъ: 1) защищая Христа отъ языческихъ воиновъ, отсѣкъ ухо мечемъ у Малха и тѣмъ совершилъ уголовное преступленіе; 2) за измѣну христіанства силой Бога лишилъ жизни Ананія и Сампфиру, т. е. совершилъ уголовное дѣяніе и 3) не считалъ себя обязаннымъ подчиняться языческимъ законамъ противнымъ ученію Бога“. „И вотъ, имѣя такія религіозныя понятія о христіанствѣ, я на 19 г. поступилъ на службу святой церкви сначала псаломщикомъ, а потомъ діакономъ; пиши для развитія чувства недовольства и чувства любви было полное изобиліе на каждомъ шагѣ; одновременно съ этимъ у меня проявились разныя галлюцинаціи и радостно возвышенное состояніе, подъ вліяніемъ которыхъ я просилъ архіерея содержать школу въ городѣ на мои средства, и я содержалъ школу въ селѣ, считая просвѣщеніе, какъ вѣрное средство борьбы добра со зломъ въ христіанствѣ; чрезъ 12 л. такой службы въ 1900 г. я былъ назначенъ самостоятельнымъ пастыремъ въ село Ш.; недовольство съ одной стороны процвѣтаніемъ язычества въ христіанствѣ, а съ другой стороны желаніе пособить труженникамъ и обремененнымъ крестьянамъ своего прихода увеличивалось все болѣе и болѣе, галлюцинаціи слуха и зрѣнія стали учащаться, радость

возвышенныя состоянія, заканчивающіяся смѣхомъ по часу, два и болѣе—повторались все чаще и чаще; особенно это состояніе усилилось съ конца 1904 г. и такъ тянулось, то повышаясь, то понижаясь, до 1910 г., болѣе высокой подъемъ этихъ состояній относится къ 1908 и 1909 гг. Находясь подъ влияніемъ этихъ чувствъ, и 1) собиралъ пожертвованія въ трехъ губерніяхъ на устройство народной бібліотеки, читальни; 2) далъ тысячу рублей на устройство безпроцентной ссудной кассы для прихожанъ и для борьбы съ ростовщичествомъ въ приходѣ, 3) изъявлялъ согласіе выстроить помещеніе для больныхъ и сиротъ своихъ прихожанъ, 4) роздалъ въ теченіе этого времени болѣе трехъ тысячъ рублей бѣднякамъ безвозвратно и такъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ, 5) отдавалъ всю свою собственность—землю, стоющую болѣе пяти тысячъ рублей, на устройство прогимназіи для народа, 6) писалъ много разныхъ прошеній и жалобъ, ради чего ночи обращалъ въ дни, всячески сокращая церковныя богослуженія и требоисправленія, не ходилъ на службу и по приходу, писалъ за церковными богослуженіями и даже божественными литургіями, за недостаткомъ бумаги даже и по ночамъ писалъ на стѣнахъ своей квартиры. По полученіи запроса отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія чрезъ директора народныхъ училищъ губерніи о томъ, какіе могутъ быть изысканы мѣстныя средства на содержаніе прогимназіи для народа, мнѣ, въ виду недостатка этихъ средствъ, въ началѣ 1908 г. впервые пришла мысль о подлогахъ. Сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что подлогъ—преступленіе, караемое по закону,—я подумалъ, не бросить ли мнѣ общественную пользу и не жить ли для себя, для своихъ личныхъ удовольствій; я хотѣлъ перевоспитать себя, тѣмъ болѣе что даже Христось жилъ за счетъ Маріи Магдалины и др.; когда же я находился въ такихъ тягостныхъ для меня сомнѣніяхъ, мнѣ неоднократно являлся Христось, (на что есть указанія въ моихъ дневникахъ) и приказывалъ мнѣ, слѣдуя апостолу Петру, *бороться всеми силами и незаконными способами; при этомъ я какъ бы соединялся съ Богомъ и на желаніе жить для себя сталъ смотреть, какъ на искушеніе отъ діавола, какъ на искушеніе духа времени.* Христось, являясь ко мнѣ, предсказалъ, что меня будутъ судить „подъ видомъ христіанскаго долга судья отъ міра сего, въ составѣ окружнаго суда“. И

вотъ, находясь подъ дѣйствіемъ чувствъ любви и непреодолимаго желанія бороться съ врагами христіанства, я не смотря на лишеніе семьи существеннаго и необходимаго, ни на предстоящій судъ, согласно приказу Божьему, нарисовалъ планъ борьбы путемъ подлоговъ, которые и привелъ въ исполненіе въ 1908 и 1909 г. Въ теченіе всей своей службы я былъ физически здоровъ и, имѣя по временамъ усиленную раздражительность, въ которой не владѣлъ собой, пуская въ ходъ первые попадающіеся подъ руку предметы и въ виду разныхъ тревожныхъ галлюцинацій слуха, въ 1904 и 1906 г. обращался къ врачамъ, которые давали мнѣ медицинскія свидѣтельства для отпусковъ на леченіе въ клиникахъ при университетахъ, но воспользоваться леченіемъ не приходилось“. Въ возрастѣ 19—20 л. испытуемый, по его словамъ, велъ неумѣренный образъ жизни въ половомъ отношеніи, потомъ, вступивъ въ бракъ, сдѣлался скромнѣе. Въ 1905 г. овдовѣлъ. Въ этомъ же году, въ бытность въ своей усадьбѣ, перенесъ нервный шокъ подъ вліяніемъ угрозы забастовщиковъ поджечь усадьбу. Въ 1909 г. съ запрещеніемъ священнослуженія и отрѣшеніемъ отъ мѣста постепенно стали прекращаться „возвышенныя чувства“ и галлюцинаціи слуха и зрѣнія, а съ ними прошли и непреодолимыя желанія борьбы и самопожертвованія.

7/хп. Испытуемый проводитъ время за чтеніемъ книгъ, мало бесѣдуетъ съ окружающими. Передаетъ врачу о томъ, что прежде переживалъ галлюцинаторно цѣлмыя эпизоды, напр. женитьбу; въ послѣднее время обмановъ чувствъ не имѣеть. Предполагаетъ уѣхать, если обстоятельства позволятъ, на родину и тамъ заняться земледѣліемъ. Признаетъ, что прежде былъ боленъ, сейчасъ здоровъ.

11/хп. Подалъ врачу записку слѣдующаго содержанія: „съ 1 по 10 с. м. я провелъ время въ 2 помещеніяхъ для душевно-больныхъ и какъ-то невольно остановилъ свое вниманіе на двухъ больныхъ; на К. и С. Отъ перваго я слышалъ только бредъ „Японія кончала насъ“, а отъ втораго, могу сказать, въ теченіе часа не добился почти ничего опредѣленнаго; когда же отъ К. узналъ, что онъ знакомъ съ священной исторіей, я разговорился съ нимъ, и онъ оказался весьма сноснымъ собесѣдникомъ, оживалъ и забывалъ свой бредъ; повторивъ подобный же опытъ съ С. уже въ области

арифметики, я вывелъ его изъ присущей ему задумчивости и какъ бы оживилъ его, взглядъ сдѣлался веселымъ, и онъ былъ готовъ и способенъ рѣшать задачи. *Все это наводитъ меня на мысль*, что психіатрическая больница, какъ мѣсто собранія ненормальныхъ и душевно-больныхъ—должна быть не той, какой и видѣлъ ее въ теченіе этого времени, гдѣ, кажется, всѣ остаются на *самоизлеченіи*, а школой—*воспитательницей* для ненормальныхъ, гдѣ бы можно было, сообразуясь съ ненормальностью и болѣзнью того или другого лица, перевоспитать больныхъ: путемъ желательнаго направленія мыслей и развитія или ослабленія чувствъ, развитія памяти и мышленія, а для этого непременно нужно имѣть желающихъ *лечить—перевоспитывать*; кромѣ знанія медицины съ аптекой, еще необходимъ курсъ предметовъ съ особой литературой, составленной специалистами по психіатріи, который и проходить за время леченія съ больными, хотя бы чрезъ особыхъ учителей—надзирателей, дабы больные вмѣсто бреда, который развивается и укрѣпляется въ нихъ, и которымъ еще заражаются другъ—отъ друга, питались здоровой духовной пищей и въ то же время постепенно сокращали свои мечтанія, вбитыя гвоздемъ въ ихъ головы. Не психіатръ Д.“

21/хп. Передаетъ врачу о томъ, что въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ онъ, Д., уславъ 600 „донесеній“ и „жалобъ“ по служебнымъ дѣламъ (министрамъ, Св. Синоду и т. п.) и 3000 частныхъ жалобъ, прошеній, обличеній и пр. На епархіальныхъ и благочинныхъ съѣздахъ у него почти всегда происходили непріятности и ссоры, такъ какъ онъ всѣхъ обличалъ, вида въ этомъ призваніе истиннаго христіанина. Сейчас никакой склонности къ обличеніямъ не имѣетъ, „такъ какъ находится не у дѣлъ“.

23/хп. Охотно участвуетъ въ дворовыхъ работахъ, которыя, по словамъ Д., ему особенно по душѣ. Кромѣ того занимается чтеніемъ книгъ, рѣшаетъ арифметическія задачи. Бредовыхъ идей не высказываетъ, съ окружающими уживается мирно, къ врачу относится, повидимому, безъ подозрительности.

По 7/і. 912. Въ развлеченияхъ для больныхъ во время святокъ участвовалъ охотно.

Между прочимъ передаетъ, что въ 1905—1906 г. часто по ночамъ исписывалъ карандашемъ всѣ стѣны своей спальни. По окончаніи дѣла своего имѣеть о многомъ поговорить, но пока не желаетъ на эту тему распространяться. Часто его безпокоили слуховыя галлюцинаціи, что испытуемый объясняетъ специфическимъ состояніемъ настроенія. Преимущественно голоса отдавали распоряженія или предсказывали; такъ напр., предъ отбѣздомъ въ вагонѣ голосъ предсказалъ ему пожаръ и совѣтовалъ застраховать свое имущество, и дѣйствительно, чрезъ 3 м.—на подожгли его домъ. Очень желаетъ, чтобы дѣло его, если суждено будетъ, рабиралось при открытыхъ дверяхъ, но при интеллигентномъ составѣ присяжныхъ, которые бы могли понять его. Какъ христіанинъ и пастыръ, онъ долженъ былъ пещись о своей паствѣ, вида что пасомые не живутъ дружно. Это его угнетало. Онъ не считалъ зломъ брать для бѣдныхъ у богатыхъ христіанъ; у магометанъ, евреевъ или иновѣрцевъ онъ ничего не взялъ бы. Далѣе испытуемый говорить: „я указываю на полное измѣненіе чувства, разумія въ этомъ случаѣ чувства *любви и милва*, сравнивая ихъ съ тѣми же чувствами спустя почти два года по совершеніи преступленій, т. е. такихъ, которые по государственнымъ законамъ считаются, какъ я зналъ объ этомъ, за уголовное преступленіе. „Больше любви никто не имѣеть да кто душу свою положить за друга своя“, говорить священное писаніе, „и вотъ“—„была у меня такая сила любви, танувшая на продолженіи около пяти лѣтъ и сопровождавшаяся разными галлюцинаціями слуха и зрѣнія, подѣ дѣйствіемъ которой я отдавалъ свою собственность и дѣлалъ подлоги, на которые смотрѣлъ какъ на орудіе борьбы и какъ на святое дѣло, за которое наказываютъ, имѣя это наказаніе въ виду; при пониженіи чувства любви я колебался или боролся съ собой до нѣкотораго времени; послѣ же, при болѣе высокомъ подъемѣ (послѣ явленія мнѣ Христа) и свидѣтельства Бога—сила къ борьбѣ со зломъ въ христіанствѣ была настолько велика, что и предстоящее наказаніе за подлоги, которое было мнѣ открыто въ галлюцинаціяхъ,—не могло удержать меня. Этихъ чувствъ нѣтъ у меня въ настоящее время, и у меня не являются желанія совершать подвиги, отдавать свою собственность, писать прошенія и жалобы, на что также смотрѣлъ, какъ на орудіе борьбы, не составляющее преступленія.

Итакъ, по мѣрѣ развитія и роста чувствъ любви и недовольства и гнѣва, я сначала прибѣгалъ только къ однимъ дозволеннымъ закономъ средствамъ, а потомъ уже къ недозволеннымъ или незаконнымъ составляетъ ли такое развитіе чувствъ любви и гнѣва, выразившееся въ известной формѣ—болѣзнь—я, конечно, не знаю самъ, потому что психіатріи не изучалъ, но свои настроенія, ихъ проявленія, знаю лучше, нежели любой психіатръ, не пережившій моего душевнаго состоянія, длившагося лѣтъ пять. Какого рода галлюцинаціи у меня были, я могу указать на тѣ лишь, которыя запечатлѣлись у меня въ памяти, а именно: привазанія Христа, явленіе Его, считавшееся мной тогда за дѣйствительное; свидѣтельства Бога, что я составляю жилище Духа Святого; предсказаніе о судѣ—голоса о томъ, что цари земные возстали на Господа и на Христа Его, что архіепископы и епископы суть Анны и Каіафы; что миллионеры—христіане и вообще богачи суть Ананіи и Сампѣиры, достойные смерти; „кто любитъ жену или дочь болѣе меня—не достоинъ меня;“ что все начальство у насъ изъ христіанъ—съ взянами. Находясь подъ дѣйствіемъ гнѣва, я со стуломъ въ рукахъ готовъ былъ однажды ринуться на богача С. и на епископа Х. бросалъ въ лицо жены первые попадавшіеся подъ руки предметы, открыто хулилъ начальниковъ, писалъ въ дневникахъ про архіереевъ, что они Анны и Каіафы и т. п. Подъ дѣйствіемъ чувствъ любви и при галлюцинаціяхъ я развивался и укрѣпился въ любви и отдавалъ свою собственность и наконецъ дѣлалъ святое дѣло, вдалъ душу свою за други своя, т. е. боролся такимъ орудіемъ, за которое предстоятъ наказаніе. Разсуждая же въ отдѣльности о подлогахъ, смотрѣлъ и смотрю на нихъ какъ на преступленіе—какъ съ точки зрѣнія уголовного закона такъ и по личному убѣжденію,—за которое наказываютъ.

10 г. Испытуемый отмѣчаетъ, что, насколько онъ помнитъ, въ дневникѣ своемъ онъ писалъ про учительницъ К. и Д., бывшихъ нареченными невѣстами знакомыхъ ему учителей. Писалъ еще про жену управляющаго. „Знаю, говоритъ Д.,—я этихъ трехъ женщинъ весьма хорошо и какъ знакомый, и какъ ихъ духовный отецъ. Объ одной изъ нихъ я писалъ, употребляя циничныя выраженія, потому что она вела себя по отношенію ко мнѣ весьма цинично. Вообще, дневники

и вель, чтобы сократить время размышленій объ общественной пользѣ, а съ другой стороны, чтобы какъ можно больше имѣть мыслей, на которыхъ бы могъ болѣе или менѣе удержаться, чтобы вытѣснить изъ себя святую борьбу—подлоги; не столь важна сущность содержанія дневника, сколько причина и цѣль писанія“.

12 г. Дополнительно, на вопросъ врача, рассказываетъ, что пилъ въ общемъ умѣренно. За все время священства разъ десять выпилъ съ гостями стаканъ—другой пива, водку не пивидѣлъ. По убѣжденію—трезвенникъ (хлопоталъ даже объ открытіи чайной „трезвости“) когда ему было 14 л., а впослѣдствіи 18 л., у него дважды или трижды было потемнѣніе сознанія, и онъ чуть не падалъ на землю. Головокруженій впослѣдствіи ни разу не наблюдалось; венерическихъ заболѣваній никакихъ никогда не было. Настроеніе испытываемаго, по его словамъ, мѣнялось часто. Съ женой жилъ лѣтъ около 14, послѣ чего разошелся съ ней (когда ей было 32 г.) „потому, что она желала жить только для себя“ и не раздѣляла его взглядовъ. Дѣтей у нихъ было четверо.

По 17 г.—Занимается въ отдѣленіи рѣшеніемъ ариметическихъ задачъ по спеціальному задачникъ, прочитавъ сегодня какой-то рассказъ, плакалъ, объяснивъ это настроеніе содержаніемъ повѣсти.

И такъ, у Д. одно изъ ассоціативныхъ положеній получило преобладаніе надъ другими. „Кто правды ищетъ—тотъ „Бога сыщеть“—гласитъ русская пословица, и Д. искалъ правды, проявляя себя филантропомъ, опекая сирыхъ и убогихъ, насаждая просвѣщеніе, видя сущность Христова ученія не въ обрядностяхъ, а въ благѣ ближняго. Казалось бы, что Д. въ своихъ поступкахъ руководился „могучимъ бойцомъ—совѣстью“, вѣра создавала всему свое собственное оправданіе, цѣль оправдывала средства. Мышленіе Д. было религиознымъ, т. е. „чувственнымъ“, „зависимымъ“ и чуждымъ логической критики.

Находясь подъ вліяніемъ „инстинктивнаго вѣрованія“, Д. лишенъ былъ свободы воли. Надо думать, что бредовые образы возникали у него первично, вылившись потомъ въ

связный комплекс представлений, къ которому присоединились обманы чувствъ. Съ одной стороны Д. настойчиво держался ученія евангелія, съ другой—болѣзненно измѣненная логика функционировала параллельно съ бредовыми представленіями, базированными на одномъ исходномъ пунктѣ—въ результатѣ непримиримый конфликтъ съ закономъ съ точки зрѣнія правосудія, данъ времени, мирная экспроприація, диктуемая крайними ученіями. Понятно, что духовный санъ Д. и мотивы дѣянія не могли не обратить на себя вниманія представителей закона, послѣдніе ждали, чтобы результаты экспертизы пролили свѣтъ на категорическое рѣшеніе вопроса, была ли въ данномъ случаѣ злая воля или переживанія больной души. Стремленіе установить опредѣленную форму психоза, къ которой можно бы настоящее заболѣваніе, оказалось, несмотря на наличность извѣстныхъ симптомовъ, не такъ простымъ. Напрашивалась мысль о длительномъ сумеречномъ состояніи на почвѣ эпилепсіи о параноѣ, о періодической маіи. Если предположить въ этомъ случаѣ наличность той формы, которую въ некоторые авторы называютъ *vesania epileptica* или *derilium epilepticum chronicum*, то слѣдовало бы признать, что болѣзненное состояніе Д. находилось въ связи съ эпилептическими припадками, когда бредъ не обладаетъ жизненностью и стойкостью параноического бреда; подобнаго рода хроническое бредовое состояніе сопровождается, какъ отмѣтилъ Е. К. Гогансонъ¹⁾ большей или меньшей степенью эпилептического слабоумія и дегенерации. Иногда бредовыя идеи у эпилептиковъ принимаютъ систематизированный видъ, и тогда рѣчь заходитъ уже о хронической параноѣ у эпилептиковъ. „Несомнѣнно“, говоритъ Гуревичъ²⁾,—„что помимо случаевъ сосуществованія паранои и эпилепсіи имѣются случаи хроническаго бредоваго состоянія, какъ проявленія эпилепсіи“. Но діагнозъ ставится при наличности точныхъ признаковъ, свойственныхъ эпилепсіи, и болѣе или мѣнѣе опредѣленно выраженныхъ при всѣхъ формахъ эпилептическаго помѣшательства. Въ нашемъ случаѣ

несомнѣнной эпилепсіи въ анамнезѣ нѣтъ, единообразіе психопатическихъ проявленій также отсутствуетъ, имѣется лишь религіозный бредъ (безъ сексуальнаго). Кгаереліи отмѣчаетъ самостоятельную періодичность эпилептическихъ разстройствъ, Га и р р—внезапное возникновеніе ихъ, Ромег,—монотонность содержанія эпилептическаго аффективнаго разстройства. Слуховыя галлюцинаціи играютъ при эпилепсіи малую роль, всякое болѣзненное состояніе у эпилептиковъ „находить“ у нихъ преобладаетъ „Bewegungsdrang“, болѣе нежели „Beschäftigungsdrang“. Д. аллегоризировалъ, видѣлъ символы и таинственный во всемъ смыслъ, бредъ его развивался подѣ влияніемъ извнѣ; принимая далѣе во вниманіе стремленіе Д. къ сутяжничеству, наличность болѣе или менѣе стройной системы бреда и, наконецъ, ремиссіи, мы склонны были распознать въ нашемъ случаѣ первичное помѣшательство—*paranoia expansiva tardiva*.

Заключеніе наше дано было въ томъ смыслѣ, что Д. несомнѣнно происходитъ изъ семьи съ тяжелымъ наслѣдственнымъ отягощеніемъ, въ молодости у него наблюдались какіе-то переходящіе приступы потемнѣнія сознанія, сопровождавшіеся по временамъ зрительными и слуховыми обманамъ чувствъ. Опредѣлить точнѣе характеръ указанныхъ выше приступовъ за отсутствіемъ болѣе или мѣнѣе опредѣленныхъ данныхъ не представляется возможнымъ. Въ зрѣлыхъ годахъ у Д., по видимому, первично, при довольно ясномъ сознаніи и способности отдавать отчетъ въ своемъ состояніи—возникаютъ болѣзненные идеи, сопутствуемыя зрительными и слуховыми галлюцинаціями религіознаго характера, выливающіяся шагъ за шагомъ въ стройную систему ложныхъ толкованій или, другими словами, укрѣпляется ложное пониманіе окружающаго. Д. логически связываетъ тѣ ложные выводы изъ воспринимаемыхъ и воспринятыхъ впечатлѣній, которые онъ дѣлаетъ по своему болѣзненному состоянію, иногда символизируя ихъ. Воспріятія окружающаго хотя вызываютъ невѣрные толкова-

нія, но большей частью отчетливы; логическія заключенія замѣнились у Д. резонерствомъ, поэтому часто за истины онъ принималъ софизмы и замѣнялъ дѣйствительныя мысли привычными шаблонами, имѣющими лишь внѣшній видъ разсужденія. Поступки Д. можно объяснить какъ реакцію на бредовыя идеи и галлюцинаціи. Разстройства въ сферѣ душевныхъ чувствованій въ такихъ случаяхъ характеризуются раздражительностью, недовольствомъ и смѣной настроенія. При подобнаго рода уклоненіяхъ часто константируется хитрость и настойчивость въ проведеніи плановъ, основанныхъ на мнимощушеніяхъ и самовнушеніи, плановъ, являющихся для больного роковой необходимостью и оправдываемыхъ болѣзненно измѣненной логикой, плановъ, изъ которыхъ—какъ въ данномъ случаѣ—больной не извлекаетъ для себя никакой видимой пользы.

Далѣе красной нитью въ поведеніи Д. проходитъ своеобразная черта—эта неуживчивость, неприспособляемость къ окружающей средѣ, создающая рядъ конфликтовъ съ житейской моралью, закономъ, приводящая къ ссорамъ въ семьѣ, въ обществѣ, на службѣ, заставляющая прибѣгать къ жалобамъ, прошеніямъ, кляузамъ по всѣмъ и всякимъ инстанціямъ—подчасъ въ стереотипныхъ выраженіяхъ.

Всѣ указанные выше признаки могутъ наблюдаться въ той или иной формѣ при нѣкоторыхъ видахъ душевныхъ разстройствъ, а—именно, при циркулярной маніи, истеріи, эпилепсіи, алкогольномъ бредѣ и первичномъ помѣшательствѣ.

Въ данномъ случаѣ у Д. приходится исключить первыя четыре формы, ибо манія проявлялась бы признаками болѣе или менѣе рѣзкаго возбужденія съ той или иной периодичностью и быстрой смѣной идей; при испытаніи бросались бы въ глаза „эгоцентризмъ“ аномаліи чувствованій и др.; противъ эпилепсіи говорятъ отсутствіе у Д. типичнаго ханжества, педантизма, замѣнутости, обмановъ чувствъ устрашаю-

щаго характера (кровь, огонь); что же касается алкоголизма, то таковой, видимо, отсутствуетъ вовсе.

Такимъ образомъ остается допустить, что у Д. въ периоду приписываемаго ему преступленія рельефно проявлялся параноическій характеръ съ обнаруженіемъ обмановъ чувствъ; это даетъ право предположить у Д. въ то время душевное расстройство, вѣроятно, въ не вполне типичной формѣ первичнаго помѣшательства, каковая даетъ нерѣдко временный, а иногда многолѣтній перерывъ болѣзни, что въ настоящее время и наблюдается у Д. Въ распорядительномъ Засѣданіи Окружного Суда Д. былъ признанъ душевно-больнымъ, какъ въ моментъ совершенія приписываемаго ему преступленія такъ и въ настоящее время.
